

РЖАВЫЙ ГОРОД

— Повесть —
❧

Хагур А.А.

Энем 2026.

18+

Алий Хагур

Повесть "РЖАВЫЙ ГОРОД"

«Автор»

2026

Хагур А. А.

Повесть "РЖАВЫЙ ГОРОД" / А. А. Хагур — «Автор», 2026

Сюжет повести «РЖАВЫЙ ГОРОД» имеет мрачную напряжённую атмосферу в уникальном сеттинге альтернативной России конца XIX века, где технологии и история переплетаются в борьбе за выживание.

© Хагур А. А., 2026

© Автор, 2026

Алий Хагур

Повесть "РЖАВЫЙ ГОРОД"

Алий Хагур.

РЖАВЫЙ ГОРОД

Повесть

Энем 2026.

Повесть «РЖАВЫЙ ГОРОД»

Глава 1. Поезд

Поезд шёл сквозь туман, но туман не расступался перед ним, а вползал в окна, забирался под воротник, оседал на ресницах каплями, пахнул ржавчиной и чем-то сладковатым, гнилым, чему имени не было ни в одном словаре.

Артур Воронцов сидел у окна в пустом вагоне и смотрел, как за стеклом проплывают очертания фабричных труб десятки, сотни труб, все дымящих, все до одной чёрных на фоне серого неба, словно город заранее выставил свои пальцы, чтобы пощупать облака и решить, годятся ли они на топливо. Вагон качало. Полки скрипели. Лампа над головой мигала паровое давление в магистрали то поднималось, то падало, и свет вместе с ним дышал, как живое существо, которому то тесно, то слишком просторно.

Он не помнил, как сел на этот поезд.

Это была правда не увливание, не попытка скрыть что-то от себя, а просто правда, голая и неудобная, как камень на дороге. Последнее, что он помнил отчётливо, стол в штабе полка, подпись под прошением об отставке, запах чернил, запах сапожного гуталина и тихий голос полковника Серебрякова:

- «Ты понимаешь, Воронцов, что обратно дороги нет?»

Он понимал. И кивнул. Серебряков подписал. А потом... провал, пустота, как будто кто-то вырезал из его жизни кусок времени, ровно, по линейке, и зашил края грубой ниткой.

И вот он сидел в поезде, который шёл в Петроград-Паровой.

За окном туман начал редеть, и Артур увидел город.

Он видел его на гравюрах, в газетах, в письмах товарищей, которые давно уехали на север и не вернулись. Он читал о нём в брошюрах, которые продавались в Ростове под полкой, тоненьких, на серой бумаге, с названиями вроде «Правда о Ржавом Море» и «Машина ест людей». Он думал, что готов. Но... ошибался.

Петроград-Паровой поднимался из тумана, как гигантская механическая рука из воды. Сначала трубы. Потом купола, обшитые медью, позеленевшей от пара. Потом башни, мосты, виадуки, арки, всё переплетённое трубопроводами, как венами, всё окутанное дымом, всё движущееся шестерни в стенах, поршни в фундаментах, маховики на крышах, медленные, тяжёлые, будто город дышал и переваривал что-то огромное, не до конца проглоченное. Выше золотые шпили, дворцы, хрустальные купола, и выше всего Часовая Башня в центре, стройная, как игла, пронзающая небо, с циферблатом таким огромным, что на нём можно было разглядеть каждую римскую цифру за версту.

И ниже гораздо ниже, там, куда не доходил ни свет, ни пар из золотых труб, тёмные провалы, ямы, норы, из которых поднимался туман другого цвета: не серый, а рыжий, ржавый, пахнувший так, что Артур непроизвольно закрыл глаза и сглотнул.

- «Конечная.» - сказал голос.

Артур обернулся. В тамбуре стоял кондуктор или кто-то, одетый как кондуктор: фуражка с медным козырьком, чёрный сюртук, перчатки. Лицо у него было серое, и серое это было не от освещения, а от чего-то другого, чего Артур не сразу узнал. Потом узнал. Металл. Кожа кондуктора на скулах и на лбу покрыта тонким слоем чего-то, похожего на ржавчину, не грязь, не краска, а именно ржавчина, въевшаяся, как татуировка.

- «Конечная.» - повторил кондуктор, и его рот открылся с лёгким скрипом, словно петли на челюстях были не совсем в порядке.

Артур встал, взял свою сумку единственную вещь, которая была при нём, потёртую, с медными застёжками и пошёл к выходу.

Платформа была пуста. Поезд, выпустив его, ушёл не назад, а вперёд, в туман, и звук его колёс быстро затих, как будто город проглотил состав. Артур стоял на перроне и смотрел на станцию. Станция называлась «Приют Охотников». Название было выведено на стене медными буквами, половина из которых отсутствовала, а оставшиеся покрылись зеленоватой патиной, так что читалось только «ПРИ Т ОХОТ ИКОВ».

Глава 2. Приют

Дверь в станционное здание была приоткрыта. Артур толкнул её, и она подалась с тяжёлым стоном ржавых петель, от которого по спине прошла дрожь, не холод, а что-то другое, ощущение, будто здание не хочет его пускать, но и не решается отказать.

Внутри было теплее, чем он ожидал. Большая комната, похожая на казарменную: низкий потолок с балками, на которых сохли полотенца и ремни, деревянные лавки вдоль стен, посередине стол, на столе лампа, рядом с лампой чертежи, развёрнутые, придавленные гайками и ключами. У дальней стены стойка с оружием: клинки, арбалеты, что-то, похожее на ружья, но с трубками вместо стволов, и всё это в пыли, в масле, в паутине, но не заброшенное, а ждущее.

За столом сидел человек.

Артуру он сперва показался стариком седые волосы до плеч, борода, глубокие морщины, но потом он поднял голову, и Артур увидел, что морщины эти не от возраста, а от усталости, и глаза у него молодые, серые, очень внимательные, с прищуром, как у человека, который долго смотрит вдаль и привык видеть то, что другие пропускают.

- «Новый?» - спросил человек.

- «Вроде того,» - ответил Артур.

- «Все «вроде того».» - Человек усмехнулся.

- «Садись. Меня зовут Глеб. Я здесь, стало быть, за хозяина.»

Артур сел на лавку напротив. Глеб смотрел на него, не торопясь продолжать, словно проверял что-то не словами, а молчанием.

- «Артур Воронцов», - сказал Артур, потому что молчание затягивалось.

- «Бывший гвардеец. Прибыл...» - он запнулся,

- «не помню, как прибыл...»

- «Не надо помнить», - сказал Глеб спокойно.

- «Здесь все не помнят. Это нормально.»

- «Считай, что поезд забирает воспоминания вместо денег.» - Он кивнул на стойку с оружием.

- «Выбери, чем будешь работать. Пока из того, что есть. Потом подберём получше.»

Артур подошёл к стойке. Оружие было странным: тяжёлым, с медными и латунными деталями, с трубками, клапанами, манометрами. Он взял клинок длинный, прямой, с рукоятью, обмотанной кожей, и крестовиной, на которой был встроен маленький поршень. Клинок был тёплым, будто его только что сняли с огня.

- «Паровой клинок,» - сказал Глеб.

- «Нажмёшь кнопку на крестовине поршень сработает, и лезвие станет тяжелее втрое. Нажмёшь ещё раз вернётся. Хватит на четыре удара, потом давление упадёт, придётся подождать.»

- «Котелок на поясе, видишь?» - Глеб показал на ремень, висевший рядом.

- «Подзаряжаешь от любого источника пара. Труба, радиатор, даже от дыхания, если совсем прижмёт, но тогда долго.»

Артур повертел клинок в руке. Баланс был непривычным тяжёлый набалдашник на конце рукояти уравнивал лезвие, и при перевороте оружие превращалось из меча во что-то, похожее на молот. Он нажал кнопку. Поршень лязгнул, клинок дрогнул, и рука ощутила резкий рывок вниз, как будто кто-то налепил на лезвие пудовую гирию.

- «Неплохо,» - сказал он.

- «Неплохо.» - согласился Глеб.

- «А теперь послушай, повторять не люблю.»

Он встал, подошёл к чертежам на столе и развернул один из них карту Петрограда-Парового. Артур увидел город, похожий на анатомическую схему: линии трубопроводов красными нитями шли от центра от Часовой Башни к периферии, разветвляясь, переплетаясь, образуя рисунок, похожий на паутину или на кровеносную систему.

- «Это город,» - сказал Глеб.

- «Город, который ест своих людей. Ты, наверное, слышал про Ржавый Мор?»

- «Слышал.» -

- «Забудь, что слышал. То, что ты слышал, это сказка для детей: болезнь, эпидемия, карантин. Правда хуже. Ржавый Мор не болезнь. Он не приходит извне. Он поднимается изнутри. Из труб. Из пара. Из железа, которое мы вдыхаем каждый день.» - Глеб постучал пальцем по карте, по красным линиям.

- «Пар, который кормит город, который даёт тепло, свет, движение, он заражён. Чем ближе к центру, тем сильнее. Чем дальше, тем чище, но ненамного.»

- «А Церковь?» - спросил Артур.

- «Божественная Машина?»

Глеб посмотрел на него с чем-то, похожим на уважение.

- «Ты подготовился. Хорошо. Церковь - отдельная песня. Они считают, что Мор - это эволюция. Что тело, которое обрастает железом, становится ближе к Махине, а значит, ближе к богу. Они не лечат. Они помогают. Понимаешь? Заражённый для них не больной, а паломник на пути к совершенству.» -

- «А кто лечит?» -

- «Мы. Охотники на ересь. Те, кто ещё помнит, что человек - это плоть, а не шестерня.»

- Глеб помолчал.

- «Лечим, как можем. Чаще просто убиваем, пока не поздно. Потому что после третьей стадии уже всё. Тело становится механизмом, а душа...» - Он махнул рукой.

- «Душа, наверное, где-то остаётся. Но достучаться до неё нельзя.»

- «Сколько стадий?» -

- «Три. Первая ржавчина на коже, на сгибах, на лице. Голова болит, сны снятся странные шестерни, трубы, пар. Человек ещё человек, только пугливый. Вторая металл начинает расти внутрь. Кости твердеют, суставы скрипят, кожа делается серой. Человек ещё говорит, но слова выходят с шипением, как из клапана. Третья всё. Человек становится механизмом. Двигается,

атакует, но не думает. Или думает, но не так, как мы. Не могу сказать. Я до третьей не доходил. И не хочу.»-

Артур молчал. Глеб сел обратно и откинулся к стене.

- «Тебе нужно знать ещё одну вещь,» - сказал он тихо.

- «Охотники тоже болеют. Мы все дышим тем же паром. Разница в том, что у нас есть сыворотка. Она замедляет Мор. Не останавливает, но замедляет. Если будешь колоть её регулярно проживёшь год, может, два. Если нет месяц, может, меньше. Сыворотка в сундучке у двери. Бери, когда нужно. Не жадничай, но и не забывай.»

Артур посмотрел на сундучок. Тяжёлый, медный, с чугунным замком. На крышке выгравированный знак: шестерня, обвитая змеей.

- «Откуда сыворотка?» -

- «Не знаю,» - сказал Глеб.

- «Приходит с доставкой, раз в неделю. Кто отправляет не написано. Я перестал задавать вопросы, когда понял, что ответы мне не понравятся. Бери, что дают, делай, что можешь. Это правило Приюта.»

Глава 3. Первая вылазка

Утро в Петрограде-Паровом не было светлым. Оно было менее тёмным, чем ночь, и только. Туман стал рыжим, и рыжий этот был густым, как бульон, Артур чувствовал, как он оседает на коже, на волосах, на одежде, мелкой, липкой пылью, которая пахла металлом и чем-то сладким, тошнотворно-сладким, как прокисшее варенье, смешанное с железными опилками.

Глеб проводил его до двери Приюта и остановился.

- «Первое задание простое,» - сказал он.

- «Спустишься по улице вниз, до Квартала Трубопроводов. Там, где трубы сходятся в узел. Найдёшь группу охотников трое, отправил их вчера, не вернулись. Найдёшь приведи. Или хотя бы узнаешь, что с ними стало. Не лезь в драку, если не уверен. Вернёшься поговорим дальше.»

- «А если на меня нападут?»-

- «На тебя нападут.» - Глеб кивнул на клинок.

- «Для этого и дал. Но учти: те, кто уже на третьей стадии, они не злые. Они просто... не знают, что ты человек. Для них ты деталь, которая не на месте, и они пытаются тебя установить. Понимаешь?»

- «Не совсем.» -

- «И не поймёшь, пока не увидишь. Иди.» -

Артур вышел.

Улица была узкой и длинной, как горло. Стены домов серый камень, обитый медными листами, из которых половина отошла и висела, скрипела на ветру, как створки раковин. Под ногами булыжник, между камнями трубы, тонкие, толстые, иногда горячие, иногда холодные, и пар из щелей поднимался, обвивал щиколотки, как кошка. Дома были высокими, окна узкими, и в окнах тени, движения, иногда глаза, которые смотрели и исчезали.

Артур шёл вниз. Улица вела вглубь города, как в воронку, и чем ниже он спускался, тем плотнее становился туман, тем больше труб, тем громче скрип и шипение. Он услышал звук сначала далёкий, потом ближе: не шаги и не стук, а ритмичный, механический лязг, как будто кто-то бил молотом по наковальне, но ровно, размеренно, без пауз, без усталости.

За поворотом он увидел первого заражённого.

Это был мужчина, когда-то высокий, теперь согнутый, с правой рукой, которая распухла и почернела, и на ней не пальцы, а что-то, похожее на клешню, из которой торчали концы медных трубок, вросших в плоть так глубоко, что кожа выросла поверх них, обтекая, как вода

вокруг камней. Левая рука ещё была рукой, но на сгибах ржавчина, рыжая, влажная, и из локтя, из сгиба, шипел пар тихо, почти нежно, как дыхание спящего.

Мужчина стоял у стены и бил правой рукой по трубе, которая шла вдоль стены. Бил и бил, ритмично, размеренно, и труба от каждого удара вибрировала, и пар в ней пульсировал, и Артур понял: он не ломает трубу, он настраивает её. Он пытается попасть в ритм. Он думает, что он клапан.

Артур обнажил клинок.

Мужчина обернулся. Его лицо было лицом человека нос, рот, глаза, морщины, но на скулах, на лбу, на подбородке ржавчина, рыжая, как лишай, и глаза не серые и не карие, а медные, с жёлтым ободком, как монеты, положенные на место зрачков. Он смотрел на Артура и не двигался.

- «Ты слышишь меня?» - спросил Артур.

Мужчина открыл рот. Из рта вышел пар тонкая струйка, с шипением, и вместе с паром звук: не слово, а скрежет, как будто кто-то провёл гвоздём по жести. Потом ещё раз, и ещё, и в этом скрежете Артур уловил ритм, и ритм этот был похож на слово «да», но не «да», а на его эхо, на его механическую тень.

- «Хорошо,» - сказал Артур.

- «Я ищу охотников. Трех. Были здесь?»

Мужчина повернулся и пошёл вдоль трубы, бормоча, стуча клешней по металлу, и Артур, не зная почему, пошёл за ним.

Глава 4. Трубопроводный узел

Мужчина привёл его к подземному переходу спуску, закрытому чугунной решёткой, которая когда-то была заперта, но теперь висела на одной петле, согнутая, вырванная с корнем, как страница из книги. За решёткой лестница, мокрая, покрытая ржавчиной, уходящая вниз, в темноту, из которой поднимался жар и гул, как из кочегарки.

Мужчина остановился у входа. Он не пошёл вниз. Он постоял, посмотрел на Артура медными глазами, и его рот снова открылся, и снова вышел пар и скрежет, но на этот раз Артур разобрал или ему показалось, что разобрал два слова: «они там».

- «Спасибо,» - сказал Артур.

Мужчин кивнул или его голова дёрнулась на ржавой шее, и это было похоже на кивок, и ушёл, стуча по трубам, исчезая в тумане.

Артур спустился.

Лестница была короткой двенадцать ступеней, но за ними открылось пространство, которое он не ожидал. Это была камера, круглая, с купольным потолком, на котором висели лампы медные, тусклые, мигающие, и стены камеры были сплошь покрыты трубами, сходящимися, расходящимися, переплетёнными, как корни дерева, выросшего вверх ногами. В центре узел, место, где двенадцать труб сходились в одну, огромную, вертикальную, уходящую и вниз, и вверх, как ствол дерева, и из узла шёл пар, густой, горячий, рыжий, и гул стоял такой, что кровь задрожала в венах.

И здесь, у основания узла, лежали охотники.

Трое. Как Глеб и сказал. Они лежали на полу, на мокром камне, и Артур сперва подумал, что они мертвы, но потом увидел: дышат. Все трое дышали, но дыхание их было неправильным не ровным и не тяжёлым, а ритмичным, механическим, с шипением на выдохе, как у поршня.

Он подошёл ближе. Первый молодой, рыжий, в кожаной куртке, лежал на спине, и его правая рука была вытянута вдоль тела, и на руке, от запястья до локтя, ржавчина, рыжая, свежая, и под кожей проступал металл, тонкими полосками, как рёбра решётки. Глаза открыты, но не моргают, и зрачки медные.

Второй постарше, бородатый, в плаще, сидел у стены, прижавшись спиной к трубе, и его спина, казалось, срослась с трубой, или ткань плаща прикипела к металлу, или что-то хуже, что Артур не стал рассматривать. Его рот был открыт, и изо рта шёл пар.

Третьего Артур не сразу увидел. Он лежал за узлом, у дальней стены, и его тело было... неестественным. Ноги нормальные, но туловище, от поясницы до плеч, покрыто металлом, не ржавчиной, а настоящим металлом, чугуном, с заклёпками, с клапанами, и из спины торчала труба, тонкая, изогнутая, уходящая в стену, как корень в землю. Он был подключён. Он стал частью системы.

Артур опустил руку на колено рядом с ним и положил руку на его плечо на то место, где металл переходил в плоть, тёплую, влажную, и металл тоже был тёплым, и граница между ними была нечёткой, размытой, как будто тело ещё не решило, чем оно хочет быть.

- «Эй,» - сказал Артур.

- «Эй, ты меня слышишь?»

Глаза охотника открылись. Медные. Жёлтые. Без зрачков, просто медные диски, с отражением ламп. И рот открылся, и изо рта вышел не пар и не крик, а звук тихий, ровный, гудящий, как сигнал, как вызов, как зов, и Артур отпрянул, потому что звук этот резонировал с трубами, и трубы отозвались, и гул в камере изменился, стал выше, пронзительнее, и Артур понял, что сейчас произойдёт что-то плохое.

Он вскочил, отступил к лестнице, и в этот момент стены задрожали. Из труб, из всех, из каждой, пошёл пар не рыжий, а красный, багровый, как кровь, разбавленная водой, и пол под ногами накрыло красной полотной, и Артур побежал.

Он выбежал наверх, на улицу, и из-за спины, из подземного перехода, донёсся звук, от которого кровь застыла в жилах: не гул и не шипение, а голос или тысяча голосов, слитых в один, металлический, скрежещущий, поющий на ноте, которая не была нотой, а была чем-то, для чего у человеческого уха нет названия.

Артур стоял на улице и тяжело дышал, и рука его, сжимавшая клинок, дрожала.

Глава 5. Возвращение

Он вернулся в Приют, когда туман стал гуще, и это, вероятно, значило, что наступил вечер, но в Петрограде-Паровом время измерялось не светом, а плотностью тумана, и Артур уже начинал привыкать.

Глеб сидел за столом и чистил какой-то механизм маленький, блестящий, с шестерёнками и пружинками, похожий на часы, но не часы.

- «Ну?» - спросил он, не поднимая головы.

- «Нашёл,» - сказал Артур.

- «Все трое. Двое на второй стадии. Третий...»

- «Третий?» -

- «Третий стал частью трубы.»-

Глеб перестал чистить механизм. Посмотрел на Артура. Ничего не сказал, но его челюсть дрогнула, и он опустил глаза.

- «Это Лёша,» - сказал он тихо.

- «Лёша Зорин. Хороший был охотник. Лучший из тех, кого я знал.» - Он помолчал.

- «Расскажи, как там, внизу?»

Артур рассказал. Про мужчину с клешнёй, который привёл его к спуску. Про камеру, про трубы, про узел. Про красный пар. Про звук тот, последний, который не был голосом, но был.

Глеб слушал, не перебивая. Когда Артур закончил, он встал, подошёл к стойке с оружием и снял с неё что-то маленький, блестящий предмет, похожий на компас, но с двумя стрелками.

- «Паровой компас,» - сказал он, протягивая его Артуру.

- «Одна стрелка показывает на север. Вторая на источник максимального заражения. Если стрелка дёргается и зашкаливает уходи. Если начал крутиться как винт дирижабля значит, ты в самом центре. В самом центре жить нельзя. Там...» - Он не договорил.

- «Носи с собой. И начинай колоть сыворотку. Сегодня. Сейчас.»

Артур подошёл к сундучку, открыл его. Внутри ряды ампул, тонких, стеклянных, с зеленоватой жидкостью, и шприц, медный, с поршнем, и инструкция, написанная от руки, мелко, на клочке бумаги: «Одна ампула в плечо, раз в три дня. Не чаще. Не реже.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.